НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ, ЛИНГВИСТИКИ
И ЛИТЕРАТУРЫ (ЛИФЛИ)

Е. КОЛПАКЧИ

СТРОЙ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСК. ИНСТИТУТА
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛЕНИНГРАД 1936

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ, ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ (ЛИФЛИ)

СЕРИЯ

СТРОЙ ЯЗЫКОВ

Под общей редакцией А. П. РИФТИНА

Выпуск 2

Е. КОЛПАКЧИ

СТРОЙ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ЛЕНИНГРАД 1936

ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
	От редакции	3
I.	Введение	5
II.	Фонетика и письмо	11
III.	Лексика	15
IV.	Морфология	20
V.	Синтаксис	27
	Библиография	33

Ответств. редактор *А. К. Боровков.* Техн. редактор *К. М. Черемисов.*
Ученый корректор *Н. Н. Штурц.*

Сдано в набор 9 авг. 1934 г. Подписано к печ. 20 сентября 1935 г. Ленгорлит № 26426 бум. л. $1^{1}/_{16}$ Тираж 2000 экз. Бумага 62 × 88. Тип. знаков в бум. листе 96000. Зак. 1937.

Тип. «Коминтерн» и шк. ФЗУ им. КИМ'а, Ленинград, Красная, 1.

ОТ РЕДАКЦИИ

Серия „Строй языков“, вторым выпуском которой является настоящая брошюра,—результат работы Грамматической группы ЛНИЯ за 1933—34 г. Имея объектом своего исследования проблемы грамматики, а особенно синтаксиса, грамматическая группа в качестве подготовительного этапа своей работы поставила серию докладов, дающих суммарный обзор строя ряда типологически весьма различных языков.

Решение печатать эту серию очерков ряда языков в их строе вызывается двумя основными соображениями. Прежде всего эти работы, заключая в себе в сжатом виде большой материал по основным языковым разделам и давая важнейшую библиографию, могут служить кратким введением к более серьезному изучению данного языка. С другой стороны вся серия в целом сможет стать подспорьем в работе по общему языковедению, представляя собой изложенный в краткой форме и незагроможденный деталями конкретный языковый материал.

Всего в настоящей серии, сначала частично отдельными выпусками, а затем в одном сводном томе, предполагается дать 28 языков, охватывающих все основные структурные типы языков—аморфные, инкорпорирующие, агглютинирующие, флектирующие с их разновидностями и переходами между ними. Имея своей задачей вскрыть как можно полнее все структурное своеобразие каждого данного языка, выпуски настоящей серии будут построены, в то же время, по единому плану, что даст возможность сделать каждый язык наиболее обозримым и облегчит сравнительную работу по отношению ко всей серии в целом.

Единообразие во всех выпусках серии будет, по мере возможности, соблюдаться также в отношении терминологии. Что же касается до транскрипции, то при издании отдельными выпусками будет использована та транскрипция, которая наиболее принята для данного языка в советской лингвистике.

Особое внимание во всех выпусках будет уделяться синтаксису, в частности формам предложения. Необходимость этого вытекает как из организующей роли предложения во всем строе речи, так и из того, что как раз этот раздел в традиционных грамматиках обычно оставлялся в тени, иногда даже совершенно выпадал.

Активное участие в организации серии и в редактировании выпусков принимал В. Г. Адмони.

I. ВВЕДЕНИЕ

Древнейшие памятники, написанные на японском языке, не старше VII в. н. э. Для Японии это период распада родового быта и начало образования классового государства. К этим памятникам относятся: мифология „Кодзики“ („Запись о древних деяньях“) и антология стихов „Манёсю“ („Сборник десяти тысяч листьев“-поколений), и то и другое было записано впервые только в первую половину VIII в., но записано с уст сказителей и передает, таким образом, повидимому, язык несколько более ранней эпохи.

Территориально японский язык ограничен в основном пятью главными островами, составляющими собственно Японию, то есть Хоккайдо, Хонсю, Сикоку, Кюсю и Рюкю. Это не значит, понятно, что японский язык распространен только на этих пяти островах. В настоящее время японский язык усиленно насаждается, как язык государственный, и в колониях Японии, например, в Корее, но в колониях это продукт импорта, тогда как очаг развития и истоки его находятся в метрополии.

Несмотря на вышеуказанные такие, казалось бы, тесные рамки, перед исследователем японского языка оказывается бездна материала, материала подчас весьма сложно переплетенного и при этом до сих пор еще иногда не вполне изученного. Казалось бы, незначительность территории упрощает нашу задачу, а оказывается наоборот, так как на небольшом пространстве у нас умещается весьма большое число диалектов, противопоставляемых все вместе и каждый в отдельности так называемому стандартному языку. Стандартный язык, по-японски „хёдзюнго“ („го“ — язык, „хёдзюн“ — стандарт) есть ничто иное как современный язык города Токио, как политического и административного центра страны, и при этом язык господствующих классов и считается общегосударственным и общеобязательным для всей страны. Это язык школы, газеты, литературы, театра, науки, но далеко не всегда и не всюду язык быта. Даже в самом Токио, если все знают и понимают хёдзюнго, то далеко не все в привычной своей бытовой обстановке будут им пользоваться — так хёдзюнго не есть язык токиоского пролетариата и не язык крестьянства, хотя бы живущего бок-о-бок с Токио. От хёдзю-

нго они отличаются не столько грамматически, сколько, главным образом, лексически и до известной степени фонетически. Интересно при этом отметить, что и в буржуазном быту роль хёдзюнго в настоящее время постепенно изменяется. Это вполне понятно и естественно, если принять во внимание, что как „стандарт“ он был зафиксирован и утвержден еще в первый период после революции Мейдзи,—незавершенной полностью буржуазной революции 1868 г. Первые художественные произведения, написанные этим языком, относятся к 90-м годам прошлого столетия, когда родоначальник и патриарх японской современной литературы — писатель Цубоути Юдзō выкинул лозунг: „Долой искусственный, архаический язык, нужно брать современную, живую, разговорную речь“. Однако с тех пор многое изменилось, и само хёдзюнго уже в значительной степени попало в положение искусственного, официального языка, лелеемого школой и учебниками „родной речи“ („Кокуго“) („го“ — язык, „коку“ — страна, → своя страна → Япония), хотя на этом поприще он уже имеет предшественника в лице так называемого „письменного“ языка. Что такое письменный язык и каковы его функции? Письменный язык—это язык современной научной литературы, официального документа и газетной передовицы, вполне актуальный по лексике, но в грамматическом отношении, частично, использующий формы языка IX—X вв., т. е. начала феодальной эпохи. От современного языка этот язык отличается: 1) другой системой спряжения, несколько более агглютинативного характера, с бо̀льшим количеством времен и наклонений и с преобладанием простых форм над описательными; 2) более агглютинативными формами склонения; 3) более простым синтаксисом, и 4) отсутствием деления на мужскую и женскую речь, наблюдаемую в разговорном языке любого класса. (Разница эта выражается как интонационно, так и грамматически и до известной степени лексически.) Некоторые морфологические его элементы иногда настолько устарели, что теперь почти перестали осознаваться, тем не менее по традиции их продолжают использовать. Нужно сказать, однако, что круг его применения в настоящее время все больше и больше суживается, так как даже специальные статьи иногда пишутся разговорным языком, не говоря уже о научно-популярной литературе. Вообще, в этой области в настоящее время мы имеем целый ряд градаций и переливов. К этому нужно еще прибавить, что деловая, коммерческая и даже нередко частная переписка тоже сохраняют некоторые элементы архаической грамматики, но относящиеся к языку XIV, XV в.

Каким же диалектам противопоставляется токиоский, как стандарт?

Вся Япония, согласно диалектологической карте, опубликованной проф. Тōдзё Мисао в 1927 г., делится на два большие района: один район охватывает рюкюские острова, другой — собственно Японию. Собственно Япония делится на следующие

районы: диалекты о. Кюсю и диалекты центрального острова, т. е. Хонсю. Диалекты Кюсю распадаются на три группы: 1) диалекты префектур Оита и Миадзаки, 2) префектур Фукуока, Нагасаки, Кумамото и Сага и 3) диалект префектуры Кагосима.

Хонсю тоже распадается на 3 больших района: 1) западное Хонсю, составляющее группу так назыв. кансайских говоров, 2) центральное Хонсю и 3) восточное Хонсю. Восточное Хонсю в свою очередь распадается на два подрайона: Кантоский (т. е. собственно восточный) и То̄хоку (северо-восточный). Среди западных говоров особняком стоят: диалект быв. провинции Тоса (теперь преф. Ко̄ти) на о. Сикоку и диалекты префектур Симанэ и Тоттори (прежние провинции Идзумо и Хо̄ки) на центральном острове — Хонсю.

Вышеуказанное деление, в котором Западная Япония противопоставляется Восточной, проводится, главным образом, на основании изучения грамматических элементов, тогда как в фонетическом отношении скорее Южная противопоставляется Северной Японии.

Согласно этой схеме, оказывается, что токиоский принадлежит к группе восточных, т. е. кантоских говоров, тогда как современный письменный язык, о котором речь шла выше, в части морфологии и синтаксиса сохраняет связь с одной из древних стадий западных, т. е. кансайских говоров, так как передает элементы языка той эпохи, когда политическим, административным и культурным центром был Кансай во главе с Киото.

Вообще, судя по тем историческим данным, которые имеются в нашем распоряжении, языковые центры, если так можно выразиться, двигались, повидимому, с юго-запада на северо-восток. До XIII в. н. э., во всяком случае, в Японии доминирует Кансай, как культурный и политический центр и, следовательно, кансайский говор; с XIII в. начиная, и в особенности в Токугавскую эпоху, т. е. XVII и XVIII вв., — Канто̄ во главе с Эдо (так называлось Токио до 1868 г.).

В свое время много внимания посвящалось, да и до сих пор еще посвящается, вопросу: „откуда пошел японский язык?“ В лингвистической литературе, посвященной Японии, кстати не такой уж богатой, исследования этого рода занимают в процентном отношении довольно видное место. Первые такие работы появляются уже в 60-х годах XIX в. (см. библиографию).

В общем все работы такого рода можно разделить на две большие группы. К одной принадлежат те работы, которые пытаются связать японский с языками материка, в частности с урало-алтайскими, а к другой принадлежат те, которые связывают его с языками малайско-полинезийскими.

Основной фонд, однако, японоведения составляют не эти труды, а грамматики и словари. Первые японские грамматики и словари, которые мы имеем на европейских языках, относятся к концу XVI, началу XVII в. Они были составлены испанскими

и португальскими миссионерами в Японии.[1] Так, в 1593 г. в Амакуса на Кюсю вышла грамматика Альвареца, а в 1604 г. в Нагасаки — знаменитая грамматика Родригеца, весьма ценная тем, что она первая дает нам сведения по диалектам.

Среди современных грамматик можно перечислить грамматики Чемберлэна, Астона, Сатоу, Ланге, Плаута, Плетнера и Поливанова и т. д. Все эти грамматики занимаются, главным образом, вопросами морфологии и почти не уделяют никакого внимания синтаксису (единственная грамматика, занимающаяся вопросами синтаксиса—это, еще неизданная, грамматика проф. Конрада). Ту же картину мы имеем и в местной, т. е. японской лингвистике. Начало японской лингвистики относится к XVII в., когда антифеодальные настроения нарождающейся японской буржуазии привели ее к изучению старинных памятников еще дофеодального периода, якобы чистых от иноземного, т. е. китайского влияния и исполненных „идеалов", достойных стремления. Дешифровка этих памятников и комментирование их привело к постановке целого ряда лингвистических проблем такими учеными, как Када Адзумамаро, Мабути, Мотōри Норинага, Хирата Ацутанэ, Мотōри Харунива и др. Так, вопросы о формальных частях и их согласовании впервые поднимает Мотōри Норинага (его книга „Химо кагами" вышла в 1771 г.). Под его влиянием с начала XIX в. и приблизительно до его середины усиленно занимаются морфологией. В 1779 г. Фудзитани Нариаки впервые делает попытку классифицировать части речи. Сын Норинага — Мотōри Харунива дает довольно исчерпывающее учение о спряжении; он не только классифицирует глаголы по спряжениям, но создает теорию глаголов переходных и непереходных и касается залогов. Нужно сказать, что с некоторыми неизбежными поправками его учение о спряжении до сих пор господствует как в японской, так и в европейской трактовке этого вопроса.

Современная японская лингвистика также основное внимание уделяет вопросам морфологии, а не синтаксиса (работы Отиаи, Ямада, Хага Яити, Цукамото, Мицуя, Оцуки Фумихико, Фудзиока и др.)

Вопросами фонетики в Японии занимается Фонетическая ассоциация, основанная в 1926 г. под председательством Уэда Маннэн. В европейском же японоведении мы имеем считанные труды (см. библиографию).

Исследования по семантике (главным образом японские) носят иногда прямо фантастический характер. И современные труды исходят нередко из совершенно неправильных предпосылок. Наиболее интересные труды по данному вопросу мы находим не у японских лингвистов, а у этнографов (работы проф. Янагита Кунио, Оригути Нобуо и др.).

---

[1] В Библиографии Леон Паже от XV в. до середины XIX перечислены 24 грамматики и словаря.

Вопросами диалектологии в Японии стали особенно усиленно заниматься с 1902 г., когда был учрежден „Комитет по исследованию японского языка" („Кокуго тёса иинкай"), просуществовавший до 1913 г. В настоящее время мы имеем очень большой материал главным образом по обследованию диалектов различных префектур, с одной стороны, и районов распространения отдельных слов, с другой (последним вопросом занимается проф. Янагита Кунио, которого считают по праву отцом современной японской диалектологии.) Однако связной и всеобъемлющей картины мы еще далеко не имеем. В европейском японоведении имеется тоже целый ряд трудов по диалектам, однако главным образом по диалектам южной части Японии, т. е. рюкюским и кюсюским, тогда как западная, средняя и северная части Хонсю изучены гораздо меньше.

Дают ли нам, однако, все вышеперечисленные исследования ответ на то, к какой системе принадлежит японский язык? Собственно говоря, нет, так как все они подходят с точки зрения „родства" и „заимствования" или ограничиваются формальным описанием языка. Единственное же утверждение, сводящееся к тому, что японский является чисто агглютинативным языком, оказывается также давно снятым ходом развития самого языка.

На самом деле, как можно утверждать, что такой язык, как японский, является чисто агглютинативным, когда вся область глагола дает нам, как мы увидим ниже, самую настоящую флексию. При чем элементы флективности глагола мы встречаем уже на самых древних доступных нам стадиях японского языка. Правда, склонение агглютинативного типа, но таково оно в стандарте, в значительной степени отошедшем на позиции искусственно очищенного языка, в бытовой же речи токиоской буржуазии, не говоря уже о речи других классов, появляется флексия. Вместе с тем необходимо отметить и ту большую роль, которую в японском языке играет место слова в предложении, момент характерный для другой стадии — для стадии аморфносинтетической. При характерной для японского языка, как мы увидим ниже, полисемантичности некоторых формальных элементов, значение их приходится определять исключительно по их месту в предложении. Это — с одной стороны, с другой — место некоторых частей предложения твердо закреплено. Но тут же приходится оговориться — закреплено в стандартном языке, в бытовой же речи в настоящее время сплошь и рядом встречаются инверсии (т. е. нарушение обычного порядка частей предложения).

Ввиду всего этого возникает мысль о том, что в настоящее время мы застаем японский язык в переходный момент от агглютинации к флексии, с некоторыми изживаемыми остатками аморфносинтетичности.

Однако, говоря о японском языке, немыслимо обойти вопрос об его отношении к китайскому. Современный японский язык

в части лексики весь пронизан китаизмами. Процесс внедрения китайского языка в Японию начался весьма давно, повидимому, с V в. н. э. Первые письменные памятники, которые мы находим в Японии, были написаны по-китайски (это были законы принца Сётоку Тайси, так назыв. „Кэмпō“ 610 г.). И долгое время спустя в Японии китайский язык оставался языком науки, юридического документа и придворной поэзии, иначе говоря, языком письменным.

Параллельно с этим шла китаизация японского языка, особенно усилившаяся к XIII в. (II-ой этап японского феодализма). В эту эпоху мы находим влияние китайского даже в области синтаксиса литературного языка. В XVII, XVIII в. в эпоху, как уже говорилось выше, антифеодального движения молодой буржуазии, в среде идеологов этого движения, так назыв. „вагакуся“ („ревнители национальной науки“) появляются своеобразные Шишковы, пытающиеся выработать японскую терминологию и таким путем вытеснить китайскую. Однако эти попытки не дают никаких практических результатов. И впоследствии при столкновении с европейской культурой создание новой терминологии продолжает итти в основном в двух направлениях, т. е. наряду с созданием новой терминологии путем заимствования из европейских языков (гл. обр. из английского) европейские термины переводятся на китайский язык. При этом, однако, нужно иметь в виду, что фонетические системы китайского и японского весьма отличны одна от другой, так что такого рода „перевод“ весьма приблизительно соответствует звучанию китайских слов. И такое „китайское“ слово знающему китайский язык на-слух непонятно.

II. ФОНЕТИКА И ПИСЬМО

Прежде чем приступить к более детальному описанию фонетической системы токиоского стандарта, перечислим бегло те звуки, которые в нее входят:

Гласные:	a	o	u	e	i		
Согласные:	p	b	φ	w	m		
	t	d	s	c	z	n	r
	j						
	k	g	ŋ	h			

Соответственные мягкие:[1] p' b' m'
c' z' s' n' r'
ç
k' g' ŋ'

Если сравнить с этой фонетической транскрипцией весьма распространенную в японоведении, хотя и не совсем научную, транскрипцию, называемую „ромадзи" („латинский шрифт", „латинские знаки"), то приходится отметить некоторые моменты отличия, а именно:

φ в ромадзи передается через f
c „ „ „ „ ts
j „ „ „ „ y
ŋ „ „ „ „ g

Все палатализованные смычные выражаются комбинацией с y (kya, kyu, kyo, mya, myu, myo и т. д.). Среднеязычный спирант ç передается комбинацией h с i или y; напр. çōmen (hyōmen), çaku (hyaku) çi (hi). Палатализованные же аффрикаты c' и z' передаются — первая через ch, вторая через j, напр. c'iri (chiri), z'ama (jama), z'oc'ū (jochū). Палатализованное s' выражается через sh; s'iroy (shiroi). Долгота согласных передается удвоением соответствующих согласных, за исключением аффрикат, где дублируется только соответственный смычный элемент; напр. ac̄'ira (atchira), s'oc̄'ū (shotchū).

[1] Палатализация обозначается апострофом над согласной.

Этой транскрипцией мы будем пользоваться в дальнейшем в отделе морфологии и синтаксиса, как наиболее привычной для учащихся.

Если сопоставить с этим обычную для русского японоведения транскрипцию, созданную проф. Поливановым, у нас получится следующая таблица:

Гласные:	а	о	у	э	и		
Согласные:	п	б	ф	в	м		
	т	д	с	ц	дз	н	р.
	к	г	х[1]				

Мягкость согласных передается так же, как в обычной русской орфографии, где *я ю ё* и гласные переднего ряда обозначают мягкость предшествующего им согласного; так с' передается через *т* с *я ю ё и*, а z'—через *дз* с *я ю ё и*. Например:

ос'а (чай) — отя
c'ōto (немножко) — тётто
z'ubən (рубашка) — дзюбан
z'ama (помеха) — дзяма
kanz'i (иероглиф) — кандзи.

Как мы видим, фонетическая система стандартного языка довольно проста и немногообразна по своему составу. Гласных в японском языке пять. Три гласных заднего ряда: а, о, u и две гласных переднего: i, е. Японское а несколько более переднее, чем русское. Короткое о немного более закрытое, тогда как о долгое несколько более открытое, чем соответственное русское о. Японское u производится без губной работы, точнее, при артикулировании этого звука язык находится в положении обычном при произношении u, тогда как губы не выпячиваются вперед и не округляются, а принимают форму узкой щели, при этом нижняя губа немного приподнимается к краю нижних зубов. Отсюда тот характерный тембр японского u, который на наше ухо производит впечатление отдаленного сходства с русским ы. Ввиду того, что в стандартном говоре мы имеем только такое u, в транскрипции мы будем передавать его условно через латинское u, без осложнения каким-либо диакритическим (отличительным) значком. После глухих, в особенности спирантов, оно иногда совершенно пропадает. Так, например, если японская орфография дает нам начертание „arimasu“ (имеется); или „desu“ (глагольная связка — „есть“), то произносится это теперь просто как: arimas, des. Так что, пожалуй, в настоящее время не приходится больше утверждать, что в японском закрытые слоги немыслимы. В древне-японском,

[1] Для j самостоятельного знака нет, он передается, как обычно в русской орфографии, в комбинации с следующей гласной, т. е.: я ю ё. Заднеязычное ŋ передается тем же г.

действительно, господствовал принцип открытых слогов, что совершенно очевидно явствует из наблюдения над японскими заимствованиями с китайского. Все китайские односложные слова, оканчивавшиеся на имплозивную согласную, т. е. затворную, без взрыва, в японском регулярно превращались в двусложные с гласной u или i на конце, и единственная мыслимая конечная согласная было слогообразующее n. Так, китайское it (единица) в японском дало ic'i.

Точно так же весьма склонно к редукции (исчезновению) и японское i в тех же позициях, что и вышеупомянутое u, т. е. после глухих, в особенности после глухих спирантов; так, например, слово „çito" (человек) как по-японски, так и в рōмадзи, пишется с гласной i, но произносится на самом деле çto с мягким среднеязычным ç и без i. При произнесении японского i губы образуют тоже более узкую, длинную щель, чем для соответственного русского звука.

Японское e несколько более открытое, чем русское, так что в транскрипции Поливанова оно передается через э. В нашей транскрипции мы будем передавать его латинским e.

Из дифтонгов мы имеем: ai, ui, oi; ii ⟶ ī, ei ⟶ ē. „В токиоском", говорит проф. Поливанов, „с этими дифтонгами совпадают обычно и сочетания: ae, ue, oe (например, xana—i ⟵ xana-e, doko-i ⟵ doko-e т. д.). В результате этого названные дифтонги произносятся со вторым элементом в виде звука, промежуточного между i и e" (см. Плетнер и Поливанов „Грамматика японского разговорного языка". Москва, 1930 г.).

Кроме вышеуказанных, есть еще дифтонги au и ou, но только в том случае, когда между этими гласными проходит морфологическая граница, иначе они дают долгое o.

В системе японских гласных большую смысловую роль играет долгота: так, „mo" значит 'также', а „mō" — 'уже'; „ni" — 'груз', а „nī" — 'новый' и т. д.

Не очень богата и сложна также система согласных в стандартном говоре. Начнем с губных. Японское p и соответствующая звонкая — b билабиальны (губно-губные), также как в русском языке. Однако то p, которое имеется в современном токиоском, довольно позднего происхождения и встречается преимущественно в ономатопоэтиках (звукоподражаниях) и в иностранных словах. На весь большой словарь Иноуэ приходится всего 201 слово с p в анлауте (т. е. с p, как начальной согласной), причем сюда включены и географические названия. В тех словах, где оно было раньше, в настоящее время мы имеем или губно-губной спирант φ или заднеязычный спирант h. Причем φ в стандартном говоре встречается только перед u, а h — только перед a, e, o. Соответственная звонкая для φ будет w. При произнесении этого звука губы не округляются, а образуют узкую щель, и трение получается гораздо более слабое, чем при английском w. В современном токиоском этот звук встречается

только перед а и в виде очень слабого призвука, типа глэйтлаута, перед о в интервокальной позиции (т. е. между гласными). В древне-японском, судя по орфографии, он имелся и перед другими гласными. Для p и b мы можем иметь и соответственные палатализованные (смягченные) варианты—напр. b'ōki, p'onp'on. Губная носовая смычная — m ничем особым не отличается от соответственного звука в русском языке. Палатализованное m, звучит как русское „м" в слове „мяч" или „мёд", наприм. „m'ōnic'i" (завтра).

Передне-язычные t и d не отличаются от соответственных русских, за исключением того, что как тот, так и другой могут стоять только перед а, о, е. Перед i мы вместо t имеем палатализованную аффрикату c' и соответственную звонкую z', наприм. „c'iri" (пыль), „z'iki" (сейчас). Эти палатализованные аффрикаты могут стоять и перед всеми другими гласными за исключением е, наприм.: „oc'a" (чай), „c'oto" (немножко), „z'ama" (помеха) и т. д. Это c' по звуку ближе к русскому палатализованному t', наприм. в t'ot'a *тётя*, чем к русскому *ч*. Для z' соответственного звука в русском языке нет, если не считать заимствованного слова „джигит", хотя японское z' мягче. Перед u мы имеем аффрикату, соответствующую русскому „ц", в нашей транскрипции мы передаем ее через c наприм. „curu" (аист); соответственная звонкая будет z; — последняя может стоять перед всеми гласными, за исключением i, наприм. „zas'iki" (гостиная), „zōri" (сандалии), „zurui" (хитрый) и т. д.

Передне-язычный спирант s не отличается от русского „с" Он встречается перед всеми гласными, за исключением i, перед которым находится палатализованное s' несколько более шипящего, чем свистящего типа, наприм. „s'acu" (рубашка), „s'uz'in" (хозяин). В токиоском он нередко смешивается с палатальным ç, „s'iroi" (белый) может иногда звучать как „çiroi", и, наоборот, „çito" как „s'to". Соответственная звонкая в токиоском не существует.

Передне-язычное n такое же, как русское. Оно может быть только в анлауте или в интервокальной позиции — „no" (равнина) „nurui" (остывший), в ауслауте (т. е. как конечный согласный), мы имеем задне-язычное n (в нашей транскрипции передаваемое через ŋ), но несколько продвинутое вперед. Соответственное палатализованное n звучит как мягкое n, в русском „няня" — наприм. „n'ōbō" (жена), „n'uŋaku" (поступление в учебное заведение).

Японское r спирантизированное, не дрожащее. (В нашей транскрипции передаем его простым r.)

l как осознанная фонема отсутствует, но нередко, в особенности в пении, слышится перед о. Во всех иностранных заимствованиях оно регулярно передается через r; наприм. „rampu" с английского „lampe" (лампа), „tēburu" — „table" (стол).

Палатализованное r бывает то близко к d, то к z' в зависимости от последующей гласной „r'orija" (столовка, кухмистерская),

Из средне-язычных мы имеем очень мягкое ç, о котором мы говорили уже выше, и соответственную звонкую j, последнюю только в сочетании с a, o, u; наприм. „joru" (ночь), „jama" (гора), „jubi" (палец).

Из задне-язычных имеются k и g, которые не отличаются от соответственных русских звуков, за исключением того, что g мыслимо только в анлауте, а в интервокальной позиции вместо него появляется задне-язычный носовой — ŋ; наприм. „gakō" (школа), „daiŋakō" (университет). Палатализованное k и g звучат как русские, наприм. „k'ūni" (вдруг); „k'ō" (сегодня); „g'ūn'ū" (молоко) палатилизованного ŋ' мы в русском не имеем — „z'iŋ'ō" (дело).

Задне-язычное h не имеет соответственной звонкой — „hama" (берег), „hōhō" (способ).

Большую смысловую роль в японском играет долгота согласных; в нашей транскрипции мы передаем ее чертой над согласной — наприм. „mata" (опять), „mat̄a" (ждал), „mac'i" (улица), „mac̄'i" (спички), „ake" (заря), „ak̄e" (удивление) и т. д. Долгие звонкие в современном токиоском совершенно отсутствуют.

Смысловую роль также играет и акцентуация (ударение). В токиоском акцентуация музыкально-силовая, т. е. слова характеризуются не только силой выдоха, но и повышением голосового тона, наприм. „hana" (нос), „harna (с повышением на втором слоге — цветок), „ asa" (утро) „arsa", (конопля) и т. д. (см. главу о фонетике в „Грамматике японского разговорного языка" О. Плетнера и Е. Поливанова).

Наряду с фонетикой необходимо также затронуть вопрос письма. В японской графике до сих пор господствуют две системы: слоговое письмо и иероглифика. Последняя целиком в V в. нашей эры была Японией заимствована из Китая. По происхождению своему рисуночное письмо, иероглиф в дальнейшем так схематизировался, что в настоящее время бывает иногда весьма трудно понять связь между графической формой иероглифа и его значением, если не знать его происхождения. Иероглифика, таким образом, есть письмо идеографическое (т. е. такое письмо, в котором один знак соответствует целому слову), и на заре японской истории им пользовались в Японии так, как в любой стране сейчас пользуются химическими формулами или математическими знаками. И дело, пожалуй, ограничилось бы этим, если бы в эпоху заимствования японский язык был на той же стадии развития, что и китайский. Но тогда уже китайскому — моносиллабическому японский противостоял, как агглютинативный. Иероглифами же можно было передавать значение слов, но нельзя было указывать на их взаимоотношения, нельзя было передавать всего богатства формальных элементов, не говоря уже о том, что за бортом оставалась и звуковая сторона языка, что на этой стадии раз-

вития должно было иметь очень важное культовое значение. Надо сказать, что в Японии слово считалось магическим, что там было развито словесное табу и что самые древние памятники, дошедшие до нас на японском языке, были как раз мифология „Кодзики" и молитвословия „Норито". Чтобы выйти из этого затруднительного положения, прибегли к весьма остроумному способу, а именно некоторые иероглифы стали употреблять не по смыслу, т. е. не как идеограммы, а по их звуковому эквиваленту в китайском языке, или по тому слову, которое им соответствовало как перевод в японском. Так, например, если иероглиф, означающий „мать", читался „мо", то этот иероглиф брали не в значении „матери", а как слог „мо"; или, если иероглиф „ночь" читался „я", то этот иероглиф могли взять не по его значению, а в качестве слогового знака для „я". В общем выработали систему, весьма напоминающую принцип составления ребуса. По этому принципу и были написаны уже несколько раз выше упомянутое „Кодзики" в 712 г. и антология стихов „Манёсю" в середине VIII в. По этой антологии эта система и была названа „манёгана" (т. е. „кана" — шрифт такой, как в „Манёсю"). Впоследствии к концу VIII, началу IX в. из этих иероглифов, с соответственными формальными изменениями, и были выработаны два японских слоговых шрифта: катакана и хирагана. В каждой из этих азбук по 48 отдельных знаков: 5 знаков для гласных, 42 слоговых знака и 1 отдельный знак для „н". Расположены оба эти шрифта приблизительно в том же порядке, что и санскритский алфавит дэванагари.

Основная таблица в 48 знаков дает нам только глухие, как смычные, так и спиранты. Звонкие мы получаем надписанием определенного диакритического значка (так назыв. „нигори"), палатализованные же согласные, также как долгие согласные и долгие гласные, передаются комбинацией нескольких слоговых знаков.

В современной Японии употребляются как хирагана, так и катакана, но в разных функциях. Катаканой пишутся преимущественно: начальные учебники, правительственные декреты и телеграммы, а также слова, заимствованные из европейских языков, хираганой — все остальное. Это объясняется, повидимому, тем, что катакана, графически более простая и легкая, чем хирагана, при наличии всеобщего начального образования, должна охватывать наиболее широкие читательские массы, с одной стороны, с другой стороны нередко в тексте, написанном хираганой, она призвана играть роль наших разрядки, курсива и т. д. При этом не нужно забывать, что за исключением начальных учебников и телеграмм ни один текст не пишется только слоговым шрифтом, а всегда иероглифами плюс один из вышеупомянутых слоговых шрифтов. В таких случаях иероглифами обычно передаются существительные и корни слов, слоговым же шрифтом дописываются формальные части (глагольные окончания, падежные

показатели и т. д.). Количество иероглифического элемента в тексте обычно зависит от общего характера произведения. Они всюду, начиная от специального научного сочинения, почти сплошь написанного иероглификой, иначе говоря, на 90% китаизированного, и кончая детской сказкой или беллетристикой, написанных обычным бытовым языком, где иероглифов может быть минимальное количество. Все это, как мы увидим ниже, упирается в вопрос развития японской лексики и взаимоотношения ее с китайской.

III. ЛЕКСИКА

Массовые заимствования с китайского привели к тому, что в японском выработка новой терминологии пошла не по линии эволюции значения японских слов, а по линии разрастания запасов китаизмов. При чем, в силу фонетического и морфологического различия, существующего между обоими языками, китаизмы в японском не ассимилировались, а резко, если можно так выразиться, выпячиваются на фоне языка. Это выражается в том, что в системе японского языка китаизмы не только семантически, но и функционально отличаются от японизмов и что в структуру японского языка они вносят грамматическую систему китайского — существует определенный ряд служебных элементов применяемых только к словам китайского происхождения и других, применимых только к словам японского происхождения (подробно об этом в главе „О частях речи“). Только небольшая группа наиболее древних заимствований. ассимилировалась настолько, что сейчас они неотличимы от японской лексики. Это такие слова, как: „fumi“←„bun“ (письмо); „hakase“←*„hakushi“ (доктор философии) и т. д.

К сожалению, этот древнейший лексический слой очень мало изучен в его взаимоотношениях к китайскому, более детальное изучение дало бы несомненно интересные результаты. Основной принцип такой ассимиляции лексического материала заключался, повидимому, в проведении принципа гармонии гласных, довольно резко выраженного в японском и совершенно отсутствующего в китайском. В современном языке мы имеем тоже небольшую группу китайских слов (пожалуй, не больше полудесятка), принявших японские окончания. Не нужно, однако, думать, что китайские слова в семантическом плане дублируют японские. Отнюдь нет. Мы, или вообще не имеем соответственных японских, или же нередко японские дают нам конкретные понятия, тогда как китайские — абстрактные. Например, японский глагол „kakeru“ (недоставать, нехватать), отглагольное же существительное — „kake“ || „kakera“ не „недостаток“ в отвлеченном смысле, а конкретно — „осколок“, „обломок“, „недостаток“ же передается китайскими словами: „ketten“, „fusoku“. Японское слово „tatakai“

значит „битва“, но не борьба, в отвлеченном смысле, последнему соответствует китайский термин „tōsō“. Японское слово „koto“ „дело“, „факт“, но „явление“, как естественно-научный термин, передается китайским словом „genshō“. По-японски можно сказать: „стать скверным“, „ухудшиться“ — „warukunaru“, но нельзя сказать: „деградация“ — это передается китайским термином: „akka“ и т. д. и т. д..

Из этого уже явствует, что вся научная терминология целиком заимствована или с китайского, или из европейских языков. Причем даже в последнее время процент китаизмов все-таки преобладает над европеизмами. Китаизация бытовой речи или европеизация зависит вполне от возраста, уровня образования и профессии говорящего. Некоторые китаизмы, относящиеся к простым, обыденным явлениям, понятно, неизбежны для всех. Немыслимо обойтись без таких слов, как „kisha“ (поезд), или „densha“ (трамвай). Эти слова не имеют себе эквивалента на японском языке и таких слов даже в обыденной речи очень много. Другие китаизмы принадлежат к области специальной терминологии и будут встречаться только в речи специалистов.

Из европейских языков наибольшее влияние оказал английский, французский и немецкий — в гораздо меньшей степени. Причем французский дал, главным образом, искусствоведческую и некоторую социологическую терминологию, тогда как немецкий — преимущественно медицинскую. В последние годы много новых терминов заимствуется также и из русского языка, термины, главным образом, относящиеся к нашей политической и экономической действительности: „Koruhozu“ (колхоз), „Komusomoru“ (комсомол) и т. д..

Наличие европеизмов в бытовой речи объясняется тем двойным бытом, который так характерен для современной Японии, где бок-о-бок уживается местное, японское рядом с американско-европейским. Вот отчего „tsukue“ и „tēburu“, хотя оба в переводе значат „стол“, вовсе не синонимы, так как „tsukue“ относится к маленькому, низенькому японскому столу, обычному в японской обстановке, а „tēburu ← англ. „table“ — к европейскому столу. Нередко на японской почве европеизмы проделывают интересную семантическую эволюцию. Наприм. французское слово „avec“, означающее просто союз „с“, на почве японского превратилось в существительное со значением „симпатия“, „друг“. Пример.: „watashi wa aweku to ikimas“ означает „я иду с моей „симпатией“ (дословно: „я иду с „С“). Правда, широкого распространения такого рода выражения не имеют, ограничиваясь, главным образом, студенческо-интеллигентской средой и играя роль эвфемизмов. Другое дело такое выражение, как „mē dē ← (mayday), оно понятно всем, причем означает не просто „майский день“, но „праздник 1-го мая“, тогда как японское „gogatsu ichinichi“ означает только календарное число.

Некоторые европеизмы стали уже настолько обыденными в японском языке, что даже на японской почве дали начало новым сокращениям и новым составным словам, напр. „aji“ ← agitation (агитация); „demo“ ← democracy (демократия); dema“ ← demagogy (демагогия); „dema wo tobasu“ (распускать демагогию); „prosakka“ ← puroretaria (пролет.) и „sakka“ (писатель) (последнее слово китайского происхождения). Все эти выражения распространены, главным образом, в революционных или близких к ним кругах.

Анализируя словарный запас японского языка, мы должны отметить, что все имена разделяются на две группы: имена, обозначающие вещи или явления социально-активные и социально-пассивные. Последнее отражается как в области применения местоимений (см. ниже в разделе морфологии), так и в области применения глагола „существовать“. Так глаголы „iru“ и „oru“ используются только в отношении социально-активных имен, тогда как „aru“ только в отношении социально-пассивных. К этому тесно примыкает вопрос о выражении в японском языке социальной принадлежности говорящего.

Это явление, будучи, повидимому, пережитком феодальной эпохи, пронизывает собою всю бытовую, разговорную речь. Выражается оно в том, что путем особых приставок и вспомогательных глаголов, а иногда и специальных глаголов, указывается, к какому социальному классу принадлежат: ваш собеседник, то лицо, о котором идет речь, и сам говорящий. Таким образом, речь делится на: 1) речь с „низшим“, 2) речь с „равным“ и 3) речь с „вышестоящим“, причем в буржуазном языке речь с „равным“, но не близко знакомым, строится обычно по типу речи с „высшим“. Все это относится не только к лицам и их действиям, но и к вещам, так как вещи рассматриваются по признаку принадлежности тому или иному лицу. В нормальном переводе на русский язык все эти особенности пропадают, за отсутствием у нас соответствующей категории, поэтому, чтобы оттенить, нам придется прибегнуть к утрированно-дословному переводу. Прим: „Okusan ni otegami wo okakininarimaska“—„свершается почтенное написание почтенного письма супруге?“ Должно означать: „Вы пишете письмо вашей жене?“ На что ответ будет гласить: „E, tsuma ni tegami wo kakimas“ — „Да, жене пишу письмо“. Если сличить оба примера, мы увидим, что в первом случае при существительном мы имеем специальный префикс „o“, роль которого указывать, что данный предмет относится к лицу „высокостоящему“; вместо глагольного сказуемого мы будем иметь именное отглагольное сказуемое с тем же префиксом, не говоря уже о том, что все обозначения родства и свойства имеют в таких случаях параллельные специальные термины. При этом, как мы видим, местоимения могут быть совершенно опущены, и взаимоотношения лиц будут указаны только формами социальной категории. Последняя, однако, отнюдь не отожествима с категорией лица,

так как та же фраза, обращенная ко второму же лицу, но „равному“ или „ниже стоящему“, будет совершенно иначе отредактирована. Этот момент составляет одну из главнейших трудностей японского языка. Вот те некоторые данные из области семантики, которыми приходится здесь ограничиться, так как современное состояние науки таково, что законы семантики в японском языке еще совершенно не вскрыты.

IV. МОРФОЛОГИЯ

Деление на части речи в японском языке проходит не совсем по тем линиям, по которым оно идет в русском. В японском все части речи делятся на 3 большие группы: 1 группа taigen — („предметные слова“) — слова склоняемые, сюда включаются: а) существительные, б) числительные, в) местоимения; 2 группа — yōgen — („функциональные слова“) — слова спрягаемые. В эту группу попадают: а) глаголы и б) прилагательные. Таким образом, если в русском прилагательные склоняются, то в японском они не склоняются, а спрягаются.

И, наконец, 3-я группа jōji — („вспомогательные слова“). Сюда относятся: а) падежные частицы, б) наречия, в) междометия.

В группу taigen нередко попадает то, что на русский мы переводим обстоятельственными словами, и то, что переводим предлогами, так как в японском и то и другое может выражаться существительными в определенных падежах. Пример, „под столом“ — „teburu no shita ni“ — дословно „внизу стола“: „на столе“ — „tēburu no ue ni“ — (на верху стола). „Koko ni“ — „здесь“ (в этом месте), „soko ni“ — там (в том месте) и т. д.

Относительно числительных нужно иметь ввиду, что счет предметов происходит посредством так наз. „вспомогательных числительных“, нумеративных слов, указывающих, к какой категории принадлежат перечисляемые предметы. Так, книги считаются на тома — „satsu“. „Hon ga issatsu“ — (книга один том) равно — „одна книга“. Бумага считается на листы „mai“; повозки, автомобили и т. п. средства передвижения — на подставки — „dai“ и т. д. Большая часть „нумеративных слов — вспомогательных числительных“ взята с китайского и относится к категории существительных, хотя существуют также и японские. Среди японских нумеративных слов или т. н. вспомогательных числительных интересно особо отметить числительное „hashira“ — столб, посредством которого в синтоизме ведется счет богам.

Местоимения в японском языке имеются только личные и указательные. Притяжательные местоимения это те же личные, но в родительном падеже. Личные местоимения различаются

только для первого и второго лица. Для третьего имеется описательное выражение „anohito“ || „ano kata“ — (тот человек) — он, она. По происхождению своему личные местоимения тесно связаны с указательными места, напр. „anata“ (вы) еще в X в. встречается в значении — (та сторона); „kochira“ — (эта сторона, здесь) нередко в настоящее время употребляется в значении „я“ и т. д. Указательные местоимения делятся на просубстантивные (с окончанием re) и определительные (с окончанием no), причем и в тех в других выражается пространственное отношение объекта речи к говорящему, так „kore“ — (это — то что ближе всего к говорящему), „sore“ (то — то что дальше), и „are“ (то — самое дальнее). В отношении предметов вместо личных местоимений употребляют только указательные.

Весьма характерная черта японского разговорного языка — это обилие так наз. ономатопэй (звукоподражаний). Формально они характеризуются полной или усеченной редупликацией (т. е повтором). Прим.: guru-guru || gururi; kero-kero || kerori. В точном смысле звукоподражаниями их нельзя назвать, так как они относятся не только к области звуковых ощущений, но также и к области зрительных, моторных, вкусовых и т. д. Сплошь и рядом поэтому в русском языке мы не имеем соответственного эквивалента. Вся эта группа включается в группу наречий.

Область частей речи и словообразования это та область, в которой ярко выступает двойственность японского языка, так как одни формальные признаки обслуживают китайские заимствования, а другие — японские элементы речи. Все китайские заимствования в японском языке сохраняют ту же принадлежность к определенным категориям речи, как в китайском. Если это существительные или глаголы, то в категорию японских глаголов они переводятся путем прибавления специального вспомогательного глагола „suru“ (делать). Прим.: „seizō“ (производство, выделка), „seizō suru“ (производить).

Китайские прилагательные, принимая функцию определения в японском языке, характеризуются вспомогательной частицей „na“, тогда как в наречной функции они получают окончания „ni“ или „to“. Прим. „Kirei na“ (красивый), „Kirei ni“ (красиво). Прежде чем перейти к склонению и спряжению, остановимся на категории числа и рода.

Существительные в японском языке не имеют категории числа. Все существительные предметного характера мыслятся в множественности, все существительные, обозначающие какое-нибудь лицо (сюда же включаются личные местоимения), мыслятся в единичности, отсюда понимание зависит исключительно от реального бытового контекста и только в том случае, когда необходимо точное указание, тогда: для лица используются так наз. „показатели множественности“, для предметов же и животных, наоборот, указывается точное число посредством числи-

тельных, таким путем от множественности, низводя их к единичности. Прим. „watashi" (я), „watashitachi" (мы); tachi является так наз. показателем множественности (кроме этого имеется еще несколько, но мы здесь их опускаем). „ashi" (ноги), но „ashi ippon" (одна нога) и т. д. Эти показатели множественности существуют только для местоимений и существительных, на глаголах и прилагательных они не отражаются. Согласование в числе глаголов и прилагательных абсолютно отсутствует: так, (я пишу) будет „watashi wa kaiteimas" и (мы пишем) будет „watashitachi wa kaiteimas". Так же точно отсутствует и категория рода. Для обозначения естественного пола пользуются префиксами „o" и „me", происходящими от слов „osu" — самец и „mesu" — самка. Так, если вообще птица будет „tori", то курица будет „mendori", а петух „ondori".

Склонение в стандартном языке агглютинативного типа. Оно выражается особыми падежными показателями, стоящими после слова, к которому относятся.

wa — показатель именительного падежа, так наз. логического именительного (в некоторых грамматиках называется „выделительным").

ga — грамматического именительного.

no — показ. родительного.

ni — имеет несколько функций: 1) показ. дательного лица, 2) творительного лица, 3) дательного места.

de — показ.: 1) творительного инструментального, 2) творительного места. („Работаю в институте" — дословно „работаю институтом" — „gakkō de „hatarakimas".)

wo — показ.: 1) винительного объекта, 2) винительного места, применяемого в том случае, когда действие распространяется на некоторое неопределенное пространство: „rōka wo arukimas" (расхаживать по коридору).

e падеж направления.

kara — исходный падеж.

to — социативный падеж (т. е. соединительный).

yori — сравнительный падеж (см. прилагательное).

Gakkō — институт (слова без падежных показателей сохраняют самостоятельное значение, но в реальной речи в такой форме встречаются редко).

gakkō wa — институт	gakusei wa — студент
gakkō ga — институт	gakusei ga — студент
gakkō no — института	gakusei no — студента
gakkō ni — институту, в институте	gakusei ni — студенту, студентом, у студента
gakkō de — институтом, в институте	
gakkō wo — институт	gakusei wo — студента

gakkō e — в институт

gakkō kara — из института	gakusei kara — от студента
gakkō to — с институтом	gakusei to — с студентом
gakkō yori — чем институт	gauksei yori — чем студент.

Таково, однако, склонение в стандартном говоре. В северо-восточных и южных диалектах мы имеем примеры флексии, и за последнее время кое-какие явления такого порядка наблюдаются и в токиоском. Правда, это далеко не во всех падежах и пока в небольшой группе слов, но все-таки это интересно отметить хотя бы в смысле прогноза на будущее. Так, если, с одной стороны, мы имеем „kottā" обычное „koto wa", где с существительным слился именительный падеж „wa", то, с другой стороны, слияние „sore" — (то) с „wa" дает нам „sorya", а „sore" с „de→„sonde || soide". Показатель родительного падежа „no" во многих случаях превращается просто в „n" и становится суффиксом существительного. Так мы получаем „watashinkoto" ←— watashi no koto; „chichintoko" ←— chichi no toko (ro); „imantoki" ←— ima no toki и т. д.

Интересно, однако, отметить, что сейчас такие проявления флективности стилистически оцениваются как вульгаризмы и ввиду той большой роли, которую играет социальная категория в японском языке, они далеко не во всех случаях употребительны (употребительны главным образом в фамильярной речи).

Наличие двойных падежей в японском языке, образованных обычно наращением родительного падежа на исходный, ограничительный, социатив или падеж направления, объясняется весьма легко, если обратить внимание на то, что в японском языке, собственно говоря, отсутствует примыкание и во всех тех случаях, где мы по-русски, будем иметь примыкание, в японском оно будет закономерно выражаться через соответственные формы управления. Такой, наприм., оборот, как: „Я пришел в новом платье", по-японски нельзя выразить иначе, как: „Я пришел, надев новое платье" — „atarashii kimono wo kite mairimashita". Отсюда и такой оборот, как: „письмо от товарища" в качестве безглагольного и управляемого только существительным (письмо) требует родительного падежа, и в результате у нас получается такая конструкция, как: „tomodachi kara no tegami", где „no" родит. падеж стоит после исходного „kara".

Японский глагол изменяется по временам и видам (эти две категории в японском языке очень тесно связаны), залогам и наклонениям.

Все эти изменения выражаются: а) изменением гласной основы, б) наращением определенных формальных элементов. Формальные элементы эти можно разделить на 3 группы: 1) вспомогательные прилагательные, 2) вспомогательные глаголы, 3) падежные частицы и союзы в функции глагольных суффиксов.

По лицам, числу и роду глагол не изменяется, зато так наз. социальная категория, о которой речь шла выше, выражается, главным образом, путем глагольных образований. Некоторые глагольные формы, как мы увидим ниже, играют также большую синтаксическую роль, выполняя функцию союза.

Ниже мы даем парадигму спряжения одного глагола, причем ввиду отсутствия личных окончаний условно переводим во всех случаях первым лицом.

Kaku — писать; пишу — в значении настоящего постоянно совершающегося действия; буду писать.

Kaita — написал (в сочетании с некоторыми обстоятельственными словами может иметь значение и несовершенного вида); „kinō ichinichi tegami wo kaita" — вчера целый день писал письмо.

Kaiteiru || kaiteru — пишу (в данный момент).

Kaiteita — писал.

Kaite—написав; kakinagara—деепричастие настоящего времени.

Kaitari — фреквентатив, обычно идет с каким-нибудь параллельным глаголом — „Kaitari yondari shiteiru" — то пописывает, то почитывает.

Kakaseru — заставлять писать. Побудительный залог — управляет дательным лица. „Gakusei ni kanji wo kakaseru" — „студента заставлять писать иероглифы". Основа „kakase" в свою очередь спрягается по временам, видам, залогам и наклонениям.

Kakareru — быть написанным. Страдательный залог очень интересен в смысле совершенно особой системы управления, а именно: при страдательном залоге объект действия остается в винительном падеже (wo), субъект действия в творительном лица (ni), тогда как лицо, подвергающееся действию, — в именительном падеже (wa), таким образом оказывается, что страдательный залог относится не к объекту действия, а к лицу, на которое данное действие простирается; прим. „Watashi wa dorobō ni bōshi wo nusumareta" дословно — „я украден шляпу вором" — т. е. „у меня вором украдена шляпа". Отсюда в японском оказывается возможным страдательный залог и от непереходных глаголов, наприм. от глагола „умереть" — „ shinu→shinareru" значит подвергнуться чьей-либо смерти. Также как побудительный залог, так и страдательный может принимать разные наращения, выражающие виды, времена и наклонения. Эта форма имеет также значение наклонения возможности, но в таком случае управляет другими падежами.

Kaitearu — быть написанным — страдательный залог в речи о предметах. — „Kiji ga kaitearimas" — статья написана.

Kakitai — хочу писать (желательное наклонение).

Kakō — по всей вероятности буду писать (вероятное наклонение).

Kakumai — вероятно не буду писать (вероятное отрицание).

Kake — пиши! (повелительное наклонение).

Kaki na — пиши!

Okaki nasai — пишите! (повелительное наклонение с значением не столько грубого приказания, сколько официального повеления).

Kaitekuretamae — пиши! (фамильярное повелительное наклонение).

Kaitekudasai — пожалуйста пишите! (так наз. „вежливое“ повелительное наклонение).

Kaku na — не пиши! (запретительное наклонение).

Kakeba — если писать (условно—временное наклонение — выражает условие общего характера).

Kaitara — если бы написал (условно — временное наклонение — выражает условие конкретного характера, нередко близко к сослагательному наклонению: „Kaitara yokatta“ — хорошо было бы, если бы написал).

Kakedomo — хотя и пишу, но ... — (уступительное наклонение).

Kaitemo — даже если и писать (уступительное наклонение).

Kakeru — пишется (можно писать). Форма возможности; при этой форме возможности субъект действия стоит в дательном падеже, тогда как объект — в именительном: „Watashi ni kono fude de kanji ga yoku kakemas“ — „я этой кистью хорошо могу писать иероглифы“. Эта форма указывает на то, что возможность осуществления данного действия зависит не только от субъекта, но и от свойств самого объекта.

Kaku koto ga dekiru — могу писать (субъективная форма возможности). Эта форма возможности выражает возможность, зависящую от самого субъекта действия — могу, умею. Составлена она описательно.

Kaite mo i — можно писать (объективная форма возможности). Эта форма указывает на то, что действие можно (стоит) совершить, ввиду благоприятных объективных условий. Составлена описательно.

Kaite wa ikenai — нельзя писать (запретительная форма). Составлена описательно.

Kakanakereba naranai — нужно писать (форма субъективного долженствования). Эта форма описательная, составленная путем двойного отрицания.

Kaku hazu des — должен писать (форма объективного долженствования), тоже описательная.

Все вышеуказанные формы из положительных могут быть переведены в отрицательные путем присоединения к глаголу отрицания „nai“. (Формально это nai является прилагательным.)

Kakanai — не писать, не пишу.

Kakanakatta — не писал.

Kaiteinai — не пишу (в данный момент) и т. д.

По сравнению с языком феодальной эпохи и с современным письменным языком, в современном разговорном: а) гораздо меньше времен и б) преобладание описательных форм над простыми.

Спряжение прилагательных.

Спряжение прилагательных осуществляется путем сочетания наречной формы прилагательных, а) в положительной форме с вспомогательным глаголом „aru“ (быть), причем тогда спрягается не самое прилагательное, а вспомогательный глагол; shiroi—белый; shiroku — бело; shirokatta — был белым; б) в отрицательной форме с вспомогательным прилагательным „nai“ — (не быть) shiroku nai — не белый; shiroku nakatta — не был белым и т. д. (Вышесказанное не исчерпывает, понятно, все возможные вспомогательные глаголы, посредством которых может быть проведено спряжение глаголов и прилагательных. Здесь, однако, мы ограничиваемся тем, что даем только основные формы.)

Степени сравнения в японском выражаются не изменением окончания прилагательных, а особыми вспомогательными словами. К таким вспомогательным словам принадлежит „yori“ (первоначально исходный падеж). Yori — стоит всегда после того слова, с которым сравнивают. Прим. „Kono hon wa ano hon yori ī des“— „эта книга лучше той книги“ (дословно —„эта книга чем та хороша есть“). При неразвернутом сравнении роль такого вспомогательного слова играет существительное „hō“ „сторона“ (слово китайского происхождения). Прим. „Ano hon no hō ga ī des“ — „Та книга лучше“ (дословно: „сторона той книги хороша есть“). Так, сравнение конкретизируется в пространственном образе.

Превосходная степень выражается китайским существительным „ichiban“ — первый номер, а также некоторыми другими наречиями. Прим. „ichiban ī des“ — лучше всего; самый лучший.

V. СИНТАКСИС

Переходя к синтаксису, нужно сказать, что главная трудность, или, может быть, легкость японского языка, заключается в полифункциональности его формальных элементов, или того, что мы с некоторой натяжкой можем назвать формальными элементами, так как во многих отношениях еще японский язык стоит на той стадии, когда формальные элементы только вырабатываются из слов знаменательных.

Из вышесказанного вытекает уже одна очень важная предпосылка, а именно — для японского языка весьма важен момент локализации слова во фразе, но при этом не столько абсолютная, сколько относительная, т. е. важно, чтобы некий элемент X стоял после элемента V, тогда как весь комплекс X—V может и передвигаться в предложении. Вообще, мнение о том, что части предложения в японском строго локализированы и совершенно незыблемы, не совсем справедливо, в особенности для современного разговорного языка. Так, в простом распространенном предложении, пожалуй, только место сказуемого и место определения строго фиксированы, а именно — сказуемое всегда должно

быть на последнем месте, оно образует как бы границу предложения (хотя и тут, как мы увидим, бывают исключения), тогда как определение должно стоять всегда перед определяемым и простое перемещение частей дает совершенно обратное значение.

Простейший пример: если „Gakkō no gakusei“ — будет „студент Института“, то „Gakusei no gakkō“ будет наоборот „Институт студента“. Таким образом, здесь важно не только наличие „no“ (формальный показатель принадлежности), но и порядок слов.

Однако, прежде чем перейти к вопросу о порядке членов предложения, необходимо несколько слов сказать о типах сказуемых и типах предложений.

Сказуемое в японском языке может быть 2-х типов: а) глагольное сказуемое, выраженное глаголом, и б) именное сказуемое, выраженное: 1) именем существительным (местоимением или числительным) + глагольная связка; 2) прилагательным + глагольная связка.

a) „Watashi wa yomimas“ — „Я читаю“.
b) „Kore wa hon des“ — „Это книга“.
c) „Kono hon wa omoshiroi des“ — Эта книга интересна“.

Типы предложений делятся на положительные, отрицательные, вопросительные и восклицательные.

Первые два выражаются формами сказуемого, последние два — междометиями, которые ставятся непосредственно после сказуемого, в конце предложения.

1) „Gakusei wa hon wo yomimas“ — „Студент читает книгу“.
2) „Gakusei wa hon wo yomimasen“ — „Студент не читает книгу“.
3) „Gakusei wa hon wo yomimas ka“ — „Студент читает книгу?“.
4) „Gakusei wa hon wo yomimas nē“ — „Студент читает книгу!“.

Междометий в японском языке большое количество, причем одни характерны для мужского языка, тогда как другие употребляются только женщинами.

Как мы видим, во всех этих примерах обычное положение сказуемого — в конце предложения. Место его, таким образом, довольно строго фиксировано. Относительно других частей предложения этого нельзя сказать с такой определенностью. Ниже мы указываем несколько возможных вариантов простого распространенного предложения.

I. Подлежащее + косвенное дополнение + прямое дополнение + сказуемое. „Gakusei wa gakkō de nihongo wo naraimas“ — „Студент в Институте японский язык учит“.

Все эти части могут смещаться дальше, ввиду того, что перед каждой из них может быть свое определение, так что такое предложение мы можем иметь и в более развитом виде, а именно:

II. Определение + подлежащее + определение + косвенное дополнение + определение + прямое дополнение + определение + + сказуемое.

Существует и такая конструкция:

III. Косвенное дополнение + подлежащее + прямое дополнение + сказуемое. „Gakkō de gakusei ga nihongo wo naraimas ka" — „В Институте студенты учат японский язык?".

Встречается и такая конструкция:

IV. Прямое дополнение + косвенное дополнение + сказуемое. „Kanji wo fude de kakimas" — „Иероглифы пишу кистью".

К этому нужно добавить, что обстоятельственные слова могут стоять как в самом начале предложения, так и в середине. Нередко те обстоятельственные слова, которые относятся к сказуемому, стоят не непосредственно перед ним, а в самом начале предложения, до подлежащего. „Kyō watashi wa gakkō e ikimas" — „Сегодня я иду в Институт".

Такое перемещение частей предложения, как в типе III и IV, зависит, повидимому, главным образом от того, на что падает логическое ударение. За стандарт мы должны признать тип I и II, на фоне которых и выделяется тип III и IV. В настоящее время, однако, могут быть даже случаи перемещения сказуемого. Может встретиться, например, такая конструкция, в которой сказуемое будет стоять перед прямым или косвенным дополнением, или даже перед подлежащим; „Yomimashita ka. Kono hon wo". — „Читал? эту книгу?".

Правда, такие случаи рассматриваются как инверсия и между сказуемым и дополнением, или сказуемым и подлежащим будет небольшая пауза, такая, как между двумя отдельными предложениями. Все же в живой разговорной речи таких примеров много. И рядом с ними предложения с неизменным сказуемым в конце звучат несколько хрестоматийно и книжно. Также как вышеуказанные примеры флексии, так и эта конструкция, характерна для безыскусственной, фамильярной речи и в официальном разговоре не употребительна.

Такую инверсию, где сказуемое предшествует дополнению, мы встречаем и в языке феодальной эпохи (см. „Хōдзёки" „Записки из кельи" XIII в.), но там она является плодом вполне сознательной китаизации стиля, канонизированной в японской поэтике под названием „wakan kongōtai" стиль японо-китайский.

Переходя к сложному предложению, мы должны вспомнить, что говорилось выше об определении, так как подчинение в японском языке строится главным образом по типу определения, и основная группа подчиненных предложений — это предложения определительные. Строится такое придаточное предложение по схеме простого распространенного предложения с той разницей, что на конечное сказуемое его наращается какое-нибудь существительное, которое тем самым, механически, становится определяемым, тогда как все ему предшествующее — определением. Таким образом, здесь опять выступает на передний план роль места в предложении, так как глагольное определение в современном японском языке характеризуется не особой формой (как

в некоторых случаях в древне-японском, или современном письменном), а, главным образом, — местом. Так, если глагол после существительного — сказуемое, то глагол в той же форме перед существительным — определение. Пример: 1) „Soko de gakusei ga hon wo yondeiru“ — „там студент читает книгу“. 2) „Soko de hon wo yondeiru gakusei ga dare des ka“ — „кто тот студент, который там читает книгу?“ Теперь представим себе, что вместо существительного „gakusei“ (студент), у нас будет какое-нибудь другое, скажем, „toki“ (время); напр. „Nīsan ga soko de hon wo yondeiru toki sawaide wa ikemasen“, как в таком случае нам придется перевести его? Точный перевод, пожалуй, для нас будет немыслим, так как точный перевод будет приблизительно звучать так: „нельзя шуметь время брат там читает книгу“ или, вернее, „брат там книгу читает время шуметь нельзя“. Остается только один возможный перевод, а именно: „нельзя шуметь в то время, когда брат там читает книгу“. Но при таком переводе происходит, понятно, некая фальсификация, а именно: бессоюзное японское подчинение у нас оказывается союзным. Иначе говоря, тот или иной тип придаточного предложения, который мы различаем в японском, зависит только от наличия того или иного существительного в качестве определяемого, которое мы истолковываем при этом с точки зрения норм европейской грамматики, тогда как на самом деле мы имеем перед собой все то же определительное придаточное предложение. Так, придаточное временное, которое мы переводили как „в то время когда“, кроме вышеприведенного „toki“ передается еще существительными: „uchi“ (внутренность, внутреннее) (см. еще „bāi“ — „случай“ и т. д.).

Оборот цели, который мы переводим: „для того чтобы“, выражается существительным „tame“ (польза), или „tame ni“ (для пользы), в том случае, если оно стоит после глагола в настоящем времени. То же „tame“ (или „tame ni“) после глагола в прошедшем времени переводится как: „ввиду того что“, „из-за того что“ и все предложение классифицируется как причинное придаточное предложение. Прим. 1) „Kono hon wo yomu tame ni kanji wo shiranakereba narimasen“ — дословно: „для пользы читать эту книгу нужно знать иероглифы“, т. е. „для того, чтоб читать эту книгу, нужно знать иероглифы“.

„Kono hon wo yonda tame ni yoku wakarimas“ („пользой прочтения этой книги хорошо понимаю“) — „ввиду того что прочитал эту книгу, хорошо понимаю“.

Очень интересна роль существительного „tokoro“ в образовании придаточных предложений. „Tokoro“ означает „место“, но в различных падежах оно выполняет функции, соответствующие различным союзам. Так, например, „tokoro ga“ (ga — показатель именительного падежа) после глагола выполняет функцию союза „хотя“. „Tokoro de“ („de“ падеж места) — „даже если“; „Tokoro e“ („e“ — падеж направления) получает значение „как

раз когда". „Soto e deta tokoro e ame ga futtekita" —„только вышел на улицу, как пошел дождь".

К вышеприведенной группе существительных в функции союзов мы должны также причислить и те существительные, которые в своей новой роли несколько изменили свою форму и, как самостоятельные существительные, уже не встречаются в языке. Это будут, например, такие, как „to" (повидимому, из существительного „toki"), выполняющее те же функции, что и само „toki" (переводится с значением „когда" или „если"); „no de" — которое несомненно происходит от „mono de" („mono" — вещь, предмет; „de" — творительный падеж) и выполняет функцию причинного союза и т. д. „Nihon e itta no de yoku shitteimas" — дословно — „Поездкой в Японию хорошо знаю"=„Хорошо знаю, так как был в Японии".

В роли подчинительных союзов выступают также перечислительные союзы и падежные показатели в сочетании с определенными глагольными окончаниями. Последнее, пожалуй, можно рассматривать, может быть, как указание на отсутствие в определенную эпоху четкой границы между глаголом и существительным. К таким падежным показателям принадлежит, например, исходный падеж „kara" — „yonda kara shitteimas" (дословно: „из прочтения знаю") „знаю, так как прочитал" или „Rēningurado e kite kara shotchū byōki des" (дословно: „С приезда в Ленинград все время болен") — „после того как приехал в Ленинград, все время болен". В европейских грамматиках японского языка первый случай рассматривается как причинное придаточное предложение, второй — как временное.

Роль подчинительного союза играет также так наз. выделительный падеж. В сочетании с определенной глагольной основой или с деепричастием прошедшего времени он образует условно-временное придаточное предложение. „Uchi e haireba kutsu wŏ nugimas" („ba"=„wa") — „если входят в дом, то снимают обувь" „Kīte wa wakarimas" (дословно: „спросив, поймешь") — „если спросишь, то поймешь". Хотя в последнем случае большую роль играет само деепричастие как отглагольное наречие.

Соединительный союз, выражаемый частицей „mo" в сочетании с деепричастием, дает нам уступительное придаточное предложение „Itte mo kikimasen" („говоря также, не слушает" или точнее: „говоря даже, не слушает") — „хотя говоришь, все равно не слушает" (см. также „tomo", „domo").

Дательный цели с отглагольным существительным или с глаголом в неопределенном наклонении переводится как целевое придаточное предложение. Прим. „Shibai wo mi ni ikimas" — („иду для смотрения пьесы"), т. е. „иду, чтобы посмотреть пьесу". Интересно отметить, что отглагольное существительное „mi" продолжает управлять винительным падежом. Случается, что оборот цели передается просто вспомогательным

глаголом долженствования; прим. „Karera fusai wa sumika wo sagasu beku Tōkyō kara Tamagawa no hōe dekaketa“[1] (дословно: „они — муж и жена квартиру искать должны, из Токио в Тамагава отправились“) — „супруги из Токио отправились в Тамагава, для того чтобы поискать квартиру“. В данном случае мы имеем яркий пример бессоюзного подчинения. Последний, однако, относится к современному письменному, а не к разговорному языку.

Имеются еще некоторые вспомогательные элементы, повидимому глагольного происхождения, играющие роль подчинительных союзов (tara, nara), но мы ограничимся вышесказанным.

Необходимо еще добавить, что в японском языке придаточные предложения всегда предшествуют главному. В современном разговорном, однако, в фамильярной речи весьма излюблены инверсии. Инверсия — также один из основных стилистических приемов японской поэзии, начиная еще с классической танка.

Сочиненные предложения в японском бывают двух типов: 1) бессоюзные и 2) с падежными показателями или вспомогательными глаголами в функции союзов.

В бессоюзных предложениях роль, аналогичную соединительным союзам, выполняют формы деепричастия и отглагольные существительные. Причем время, в котором протекают все выраженные ими действия, указывается только конечным сказуемым в последнем предложении. Поэтому деепричастные сказуемые, с точки зрения их синтаксической функции, называются „серединными сказуемыми“.[2] Нужно заметить, однако, что в современном разговорном языке, главным образом, в женской речи, эти сказуемые могут играть роль и конечных сказуемых в самостоятельном предложении, с вопросительной или повелительной интонацией. Прим. „Mattete yo“ — „Подожди“. „Oseiji de nakutte“ — „Это не комплимент?“ „Sō? Hanashite. Densha no naka de kōgi shite yo nē“ — „Да? Расскажите! В трамвае прочтите мне лекцию.“[3]

Отглагольные существительные, используемые также нередко в функции серединных сказуемых, иначе говоря, как сказуемое в сочиненном предложении, в этой функции продолжают управлять теми же падежами, какими управляют соответственные глаголы, так что на русский язык дословный перевод такой фразы немыслим. Форма эта чаще встречается в письменном, чем в разговорном, где ей предпочитают деепричастие.

Использование падежных частиц и вспомогательных глаголов в роли сочинительных союзов в общих чертах сходно с тем, что было уже сказано раньше по поводу подчиненных предложений, так что мы здесь можем больше на них не останавливаться. Ниже мы приводим образец текста в транскрипции и с переводом.

---

[1] См. „Mimizu no tawagoto“ Tokutomi Rōka. — „Болтовня земляных червей“.

[2] Пример „Natsu ga kite watashi wa hishochi e ikimashita“ — „Лето пришло, и я поехал в курорт“. „Kite“ — деепричастная форма. Союз и отсутствует.

[3] Примеры эти взяты из книги Gunji Jirōshō „Miss Nippon“. Tōkyo, 1930 г.

„Gasu“ Hashimoto Eikichi („Nappu jūninshū“ Tōkyō (1932).

„Oi! rampu, rampu.“ Shita kara sakenda. Ryōude ni kōboku
„Эй! лампа, лампа.“ Низ из закричали. Обеими руками подпорку
wo kakaetamama shita wo mita. Anzentō no ami
оставаясь в положении обхватывания низ посмотрел. Предохранительной лампы
no naka wa aoi honō de ippai ni nari tanjin ga honoko
сетки середина зеленый пламенем полным становиться угольная пыль огня детей
no yōni moeteita. Zenshin wa chikara wo ushinatte, ashi mo
на подобие пылала. Все тело силу потеряв, ноги также, руки
te mo kubi mo ugokasu koto wa dekinakatta. Tada, kare wa me
также шею также двигать дело не получалось. Только он глаза
dake wo tsubutta. Suruto makkura no gantei ni monosugoi bakuon
только зажмурил. Делать тогда черноты зрачки в жуткий взрыва звук
to dōji ni meimei to honō no kagayaki ga sashikonda. Nakama no
с то же время в ярко пламени блеск проник. Товарищей
sakebigoe ga okotta ga kare wa sore wo kiku koto wa dekinakatta.
вопль поднялся, но он это слыхать дело не получалось.
anzentō wo chūshin ni okotta honō wa aoi maku no yō ni
предохранительную лампу центр в поднялось пламя зеленый занавеса на подо-
hirogatta. Honō no atsuryoku ni utareta mono wa waku mo
бие расширилось. Пламени давления силой ушибло вещи сруб также,
toro mo ningen mo kogehikisakareta
тележки также, люди также обожжены, разодраны были.

„Газ“ Хасимото Эйкити. (из сборника „Наппу дзюнинсю“.— „Сборник десяти Напповцев“—„Наппу“—Nippona Artista Proleta Federacio.) Токио, 1932 г.

„Эй! лампа! лампа! — закричали снизу. Обхватив обеими руками подпорку, он посмотрел вниз. Предохранительная лампа в сетке была наполнена зеленым пламенем и угольные пылинки пылали как искры. Сразу все тело ослабело. Он не мог пошевельнуть ни рукой, ни ногой, ни головой и только крепко зажмурился. И вместе с жутким звуком взрыва яркий блеск пламени пронизал тьму закрытых зрачков.

Раздался вопль товарищей, но он уже не слыхал их. Пламя, возникшее от предохранительной лампы, расширилось как зеленый занавес. Под его натиском все было обуглено и разодрано на части — и сруб, и тележки, и люди“.

Библиография

Léon Pagés „Bibliographie Japonaise ou catalogue des ouvrages relatifs au Japon qui ont été publiès depuis le XV siècle jusqu'a nos jours“. 1859.

Wenckstern „A bibliography of the Japanese Empire“ с 1859—1907 г. 2 тома.

O. Nachod „Bibliography of Japan“ с 1906 — 926 г.

Матвеев, З. Н. и Попов, А. Д. „Библиография Японии“. Владивосток, 19?3 г.

Aston, W. G. „Grammar of the Japanese written language.“ Yokohama, 1872. 3-ье издание Лондон 1904 г.

„Grammar of the Japanese spoken language“ Tokyo, 1888.

Balet „Grammaire Japonaise de la langue parlée“ Tokyo, 1908. Tokyo. 1925.

Chamberlain B. H. „Handbook of colloquial Japanese“ Yokohama 1898 г. (III-ье изд.)

„A practical introduction to the study of Japanese writing". Yokohama 1905 г. (II-ое изд.) Chicago, 1924.
Courant M. „Grammaire de la langue japonaise parlée". Paris, 1899 г.
Hoffmann J. J. „Japanese grammar" (перевод с голландского) Leide 1876. „Japanische Sprachlehre" (перев. с голландск.) Leide 1877.
Lange R. „Lehrbuch der japanischen Umgangssprache". Berlin, 1906. „Einführung in die japanische Schrift". Berlin, 1896.
Plaut, H. „Japanische Konversationsgrammatik". Heidelberg, 1904.
Raguet, E. „Abrégé de grammaire japonaise". Tokyo 1905.
Meissner, K. „Lehrbuch der Grammatik der japanischen Schriftsprache" 1927 г. „Die japanische Umgangssprache". 1926 г.
Rose—Jnnes. A. „Japanese Reading for Beginners" 1928 г. — в пяти томах.
Seidel, A. „Praktische Grammatik der japanischen Umgangssprache Wien, 1901 г. „Grammatik der japanischen Schriftsprache" Wien, 1904.
Гущо и Горбштейн. „Учебник японского языка", часть 1. Москва 1934 г.
Исакович „Грамматика японского разговорного языка" (перевод грамматики Плаута) 1910 г.
Колпакчи и Невский. „Японский язык. Начальный курс". Ленингр. 1934.
Конрад, Н. И. „Краткий очерк грамматики японского разговорного языка", изд. Л. В. И. 1934 г.
Костылев, В. „Грамматика японского разговорного языка" (перевод граммат. Чемберлэна) 1908 г. „Грамматика японского письменного языка" (перевод граммат. Чемберлэна).
Плетнер О. В. и Поливанов Е. Д. „Грамматика японского разговорного языка" Москва, 1930 г.
Поливанов — „Язык". „Письмо" — статьи в „Большой Сов. Энциклопедии" — 65 том см. „Япония".
Aston W. G. „A comparative study of the Japanese and Korean Language" (Journa of the Royal Asiatic Society vol XI London 1879).
„Japanese Onomatopes and the origin of language" (Journal of the Anthropological Institute vol. 23. London, 1894)
Buller. A. „Nachweis dass das Japanische zum Ural—Altaischen Stamme gehört". Wien, 1857.
Charencey „De la parenté de la langue japonaise avec les idiomes tartare et américain" Paris, 1858.
Chamberlain, B. H. „Notes on the dialect in Ahidzu". Transactions Asiatic Society Japan, vol. IX. Yokohama 1881.
„On the Loochooan language" London 1894.
Edwards, E. R. „Etude phonétique de la langue japonaise". Paris, 1903.
Hinloopen—Laberton „The Oceanic Languages and the Nipponese" (Transact. As. Soc. Japan 2-nd series vol. 2 1925 г.)
Kitasato, T. „Forschungen über das altjapanische Sprachlautsystem" (Jap. Deutsche Zeitschrift für Wissenschaft und Technik vol. 4. 1926).
Meyer, E. A. „Der Musikalische Wortakzent im Japanischen" (Le Monde Oriental, vol. I. Upsala 1906).
Pletner, Orest, „Musical Accent in Japanese Morphologie" (Bull. School of Orient. Studies, vol. III. 1924 г.)
Поливанов. Е. Д. „Сравнительно-фонетический очерк японского и рюкюского языков". 1914 г.

Его же „Материалы по японской диалектологии" 1915 г.
„ „Психофонетические наблюдения над японскими диалектами" 1917.
„ „Одна из японо-малайских параллелей" 1919г.
„ „Введение в языкознание для востоковедных вузов". 1928 г.
„ „Музыкальное ударение в говоре Токио".
„ „К работе о музыкальной акцентуации в японском языке в связи с малайским" Бюллетень Средне-азиатского гос. университета. 1924 г. № 4 февраль.

Цена 1 р. 20 к.